

Книги Владимира Корна
в серии
**ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК**

АРТУА. ЗОЛОТО ВАЙХОВ

АРТУА. ЗВЕЗДА ГОРНА

АРТУА. УЧЕНИК УЧЕНИКА

АРТУА. БЕРЕГ СКАРДАРА

АРТУА. ДВОРЕЦ ДЛЯ ЛЮБИМОЙ

ДАРИУС ДОРВАН. НАЕМНИК

ВОСЕМНАДЦАТЬ КАПСУЛ КРАСНОГО ЦВЕТА

ОТРЯД СМЕРТНИКОВ

КРИСТИАН ФЛОЙД. СТРАЖ ЛИБЕРИЛЛЯ

СЧАСТЛИВЧИК ЛЕОНАРД

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

ВЛАДИМИР КОРН
**СЧАСТЛИВЧИК
ЛЕОНАРД**

РОМАН

Москва, 2016
ЭАРМАДА
&
«Издательство А.П.ФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
К67

Серия основана в 1992 году
Выпуск 1022

Художник
И. Воронин

Корн В.
К67 Счастливчик Леонард: Фантастический роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2016. — 312 с.: ил. — (Фантастический боевик).

ISBN 978-5-9922-2280-7

Случается, влюбишься в девушку, а сам не знаешь о ней практически ничего. Умница, красавица, но кто же наделил ее таким характером? То она ласково льнет ко мне, то начинает пить кровь полной чашей, чихая при этом на весь мой авторитет. А я ведь не кто-нибудь, а Счастливчик Леонард — охотник за сокровищами Превжних. Охотник удачливый: недаром же меня прозвали Счастливчиком! У меня есть имя, репутация, своя команда. И пусть даже дела сейчас идут не совсем хорошо и мы, спасаясь от преследований могущественного врага, вынуждены срочно покинуть родину, — это же вовсе не значит, что ей позволено вести себя так? А может, виноват я сам и просто не подозреваю об этом?

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Владимир Корн, 2016
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2016

ISBN 978-5-9922-2280-7

ПРОЛОГ

Жарко!

Я посмотрел на все еще далекие горы: точно ведь до заката не доберемся. И не факт, что сразу же найдется вода. А пить хочется уже сейчас. Причем так, что язык давно уже стал шершавым, как рашпиль.

В горах будет проще, там хоть какая-то влажность в воздухе. А значит, гнумбокс сможет заработать в полную силу. Не то что прошлой ночью, когда мы едва выдоили из него полторы фляги. Хотя, с другой стороны, староват он уже: ему века полтора, не меньше. Другие в таком состоянии и в таком возрасте и этого не дают.

Перевел взгляд на своих спутников — как они? Сначала на Теодора Модестайна, шедшего впереди всех. Можно просто Теда. Слишком жарко, чтобы выговаривать его имя полностью. Теодор и сам невысок, так что Тед — самое оно. Но даже если вы назовете его Головешкой, Теднисколько не обидится — его все так зовут. Мелкий, черноволосый, черноглазый и такой смуглый, что кажется, будто его только что вынули из костра. Головешка, словом.

Там, откуда он родом — из местности под названием Соломанова Пустошь, других и не сыщешь. И жара в тех краях вечно стоит такая, что здешняя ему кажется едва ли не прохладой. Странное дело — он не был на родине почти лет восемь, но привычка время от времени поглядывать на небо никуда не делась. Еще бы, в Соло-

мановой Пустоши долго без нее не протянешь: турпаны, местные птицы, которых там иначе как «мерзость» не называют, всегда нападают без предупреждения. А поскольку целят они всегда в голову, привычка жизненно необходимая.

Блезу Оберону — полной противоположности Теду, — светловолосому голубоглазому верзиле, придется куда тяжелее. Блез с Севера, где случаются такие холода, что вода становится твердой как камень. Его особенностью является то, что лгать Блез категорически не умеет, зачастую себе в ущерб. Помимо того, всех без исключения особ женского пола он называет «леди». Так принято у них на Севере, и эта привычка въелась ему в кровь, как поглядывать в небо — у Головешки.

Как я выгляжу сам? Высокий, широкоплечий, стройный, с легкой, можно даже сказать, летящей, походкой. Приятные черты лица, почти орлиный нос и мужественный подбородок. А еще выразительные глаза цвета спелого каштана. К слову, настолько выразительные, что стоит заглянуть в них какой-нибудь даме, как сердце у нее начинает учащенно биться, а сама она молится о счастье оказаться со мной в постели.

Не поверили? И правильно сделали. Нет, вниманием женщин я не обделен, но не все так просто. Вздыхнув и на всякий случай приготовив ободряющую улыбку, я посмотрел на Клер. Та конечно же взгляд мой уловила, но обратила на него не больше внимания, чем на камешек под ногами, которых там хватало с избытком.

Красивая девушка. Что лицом, что фигурой, что всем остальным. А походка у нее такая, что, возглавляя Клер наше шествие, все спотыкаться начнут, потому что будет не до того, чтобы смотреть под ноги. Даже сейчас, когда больше всего на свете хочется прилечь в

тенечке, пить что-нибудь холодненькое и ни о чем не думать.

Подозреваю, что Клер — не полное ее имя. Она из народности ангва, а у тех принято называть своих дочерей, соединяя имя матери и бабушки. Ну или отца и деду, если речь идет о сыне. Правда, полного ее имени никто из нас не знал, и потому для всех она просто Клер. Кроме Блеза, для которого она еще и «леди». Женщины ангва издревле славятся своей красотой и ангельским нравом. Но не в случае с Клер. Нет, красоты ей небеса отвалили с избытком, но взамен дали такой характер, что я в жизни не видел девушки, язычок у которой был хотя бы на половину менее острым, чем у Клер. И такой несговорчивой. И еще своенравной. Которая запросто может купаться обнаженной в водопаде, нисколько не смущаясь тем, что на нее глазеет мужчина, как это было месяц назад. И при этом спросить: «Лео, мне кажется или у меня на самом деле одна грудь немного больше другой?» — старательно их продемонстрировав, еще и повертевшись для моего удобства.

Да, забыл представиться — Счастливчик Леонард. Почему Счастливчик? Много ли вы знаете людей, сумевших выбраться живыми из ущелья Злых Духов? Ни одного? То-то же! А я смог. Куда мы направляемся? Самим бы знать точно...

ГЛАВА 1

— Вот смотрю я на ту гору и все не могу понять: почему на ее вершине туман не расходится?

— Снег там лежит, — не слишком охотно пояснил Блез.

— Снег? — покатал на языке новое слово Головешка. — А что это?

— Долго объяснять.

Уроженцу севера Блезу приходилось труднее всех. Блез вынослив, как махалтегинский мул, который с легкостью может нести поклажу вдвое больше собственного веса, но жара его точно доконает. Впрочем, как и всех остальных. Последним конечно же Головешку.

По моим расчетам, достигнуть предгорий мы должны были еще пару дней назад. Но кто же мог знать, что в этой проклятой пустыне нам встретится такой участок, который придется долго обходить стороной, уклонившись при этом далеко на север, вместо того чтобы преодолеть его по прямой?

Такие участки покрыты коркой, представляющей собой нечто вроде темного непрозрачного стекла, зачастую с трещинами. Через них и проникают наружу испарения, надышавшись которыми там и останешься. Хотя случается и так, что корка неожиданно проваливается под ногами, ты падаешь в пустоту и сворачиваешь себе шею. Их только глайберы и рискуют пересекать, но на то есть причины.

Как выяснилось несколькими мгновениями позже, зря я о глайберах вспомнил, потому что буквально сразу же раздался встревоженный возглас Головешки:

— Лео, взгляни! Мне показалось или на самом деле?..

Даже беглого взгляда хватило понять: Тед не ошибся — это именно те, встреча с которыми не входила ни в какие наши планы. Три крохотных серых пятнышка, едва различимых в дрожащем мареве раскаленного воздуха пустыни, которые вполне могли оказаться миражом.

Таковыми увидел их Тед, но не я. Я вообще должен был первым заметить паруса, если бы не проклятая жара, которая отбивает всяческую охоту вертеть головой по сторонам.

— Глайберы! Бегом! — И, подавая пример, я бросился к ближайшему скоплению камней, которое больше всего походило бы на выход из кротовой норы, если заменить комья земли на огромные валуны.

Таких здесь достаточно, но, как обычно бывает, на этот раз самый ближний из них оказался на приличном расстоянии. Они — единственное наше спасение, потому что на открытом месте всех нас ждет верная гибель. И снова Блезу пришлось хуже всех, потому что тяжеленный гнумбокс находился в мешке за его спиной. Мы бежали изо всех сил, Блеза начинало уже пошатываться, но ему и в голову не приходило сбросить с себя эту тяжесть, слишком дорога ей цена.

— Вдвоем, — прохрипел я, рывком хватаясь за одну из лямок мешка, в котором и находился гнумбокс, потянув ее на себя.

С рывком я перестарался, потому что Блез едва не упал. И все же он устоял, сбрасывая с себя мешок, чтобы ухватиться за вторую лямку. Пятна парусов приближались куда быстрее, чем нужная нам груда камней, и

вскоре они стали тем, чем и должны быть: узкими треугольными парусами серого цвета. Теперь сомнений не оставалось и у других — это именно глайберы на своих глайбах, и движутся они прямо на нас.

Блез взглянул на меня вопросительно: не время ли нам остановиться? Ведь если продолжать бежать, мы устанем настолько, что даже не в состоянии будем себя защитить. Нам это поможет мало, но лучше погибнуть в бою как настоящие мужчины, чем получить удар в спину, как трус, убегающий от врагов, — так и читалось в его глазах.

Все это так, Блез, но есть у нас один шанс... Если я не ошибся, на пути у них должна оказаться гряда камней, которую им поневоле придется объехать. Хоть ты и не слепец, но ты же знаешь, Блез, что вижу я куда лучше тебя.

Все верно, глайбы резко повернули в сторону, объезжая то, что давало нам шанс. Мы влетели в скопление камней и сразу же рухнули на землю, тяжело дыша, как загнанные лошади. Рухнуть-то рухнули, но гнумбокс перед этим положили крайне бережно: ко всему прочему, нам не хватало еще остаться и без него...

— Интересно, они успели нас заметить? — с трудом произнес Головешка.

— Заметили, не расстраивайся, — кивнул я, быстро поднимаясь на подгибающихся от усталости ногах.

Следовало приготовиться, пока глайберы не приблизились к нам вплотную. Хотя какие тут могут быть приготовления, кроме того как взвести арбалет? Ну и на миг нащупать рукоятку кинжала, убеждаясь, что он находится там, где ему и положено быть, — на поясе. А заодно помолиться всем богам, чтобы дело до него не дошло. Три глайба — это девять человек, а нас всего четверо. Причем среди нас девушка, чей язычок куда опаснее ее кинжала. С другой стороны, как арбалетчик

она несколько не хуже Блеза и Головешки — сам я и обучал ее всем премудростям стрельбы из него.

Следуя моему примеру, вскочили и остальные. Глайбы к тому времени, успев обогнуть препятствие, мчались прямо на нас.

— Точно ведь заметили! — В голосе Блеза не было сожаления; так, констатация факта.

И еще какая-то отрешенность, словно он заранее попрощался с жизнью. Нет, трусом он не был ничуть. Блез — воин и когда-то принадлежал к самому значимому клану у себя на родине. Он мог погибнуть сотню раз и давно уже свыкся с этой мыслью, вот и все.

— В левого из них, — скомандовал я. — После моего выстрела.

Левый глайб шел чуть в стороне от остальных и не первым. Но на нем единственном парус сплетен из паучьей нити. На остальных двух — из полотна. Логика моя была проста: именно на этом глайбе должен находиться главарь. При удаче мы сразу оставим глайберов без руководства, а лишние дыры в драгоценном, куда дороже золота, парусе заставят сам глайб держаться подальше от нас.

Я взглянул на остальных. К стрельбе все уже были готовы, и оставалось присоединиться к ним мне самому.

С замиранием сердца я взялся за рычаг арбалета, расположенный, как и у обычных арбалетов, снизу. Отличие — в самих арбалетах. Те, что имелись у всех нас, были лишены лука. Лучными арбалетами сейчас вообще мало кто пользуется, за исключением тех, кому другие не по карману. Уже больше века существует совершенно иная конструкция, где заменяющий лук механизм спрятан в корпусе самого арбалета. А часть его — даже в прикладе.

То, что заменило лук, представляет собой механизм, состоящий из пластинчатых и спиральных пружин, металлических тросиков, шестеренок, винтов, а также других деталей.

В ходу сейчас по большей части арбалеты двухзарядные, где вкладывать болт не надо, он сам подается в желоб под действием рычага при взводе пружины, посылающей снаряд в полет. Мое оружие отличается и от них: в него помещается целых три болта. Неприятная неожиданность для врага! Вот только в последнее время арбалет все чаще начал давать сбои. Я потянул рычаг, где-то внутри арбалета щелкнуло, и я перевел дух: на этот раз зацепление произошло; вот всегда бы так...

— Есть! — После нашего залпа Тед стукнул по камню кулаком от избытка чувств. — По-моему, даже двух.

Пожалуй, насчет второго глайбера совсем не уверен, разве что слегка зацепили, но один из них вывалился на полном ходу определенно мертвым. При этом несколько не сомневаюсь, кто именно в него угодил. Но сказать об этом сейчас — значит похвастать. Пусть, если получится, сами потом увидят, когда извлекут из тела глайбера болт.

Хотя нет, уже не увидят: следующий последним глайб резко сбавил скорость, и его седоки подхватили тело прямо на ходу. Затем он вместе с двумя другими отвернул от нас, тут же набрав ход, давая нам передышку.

Всегда удивлялся: как у них так получается? Ветерок такой слабый, что намочи палец, подними над головой — и едва ощутишь его дуновение. Казалось бы, что в них такого, в этих сухопутных парусниках? Три колеса, два из которых спереди, и они куда более широкие, чем то, что расположено сзади. Высокая мачта с узким парусом, возвышающиеся над тем, что так и подмывает назвать лодкой с едва обозначенными бортами, и все.

Но то, что вытворяют на них глайберы, уму непостижимо. Даже при слабом ветре глайбы способны развить такую скорость, что куда там скаковой лошади!

А когда ветер сильный?! Бывает, они даже груз за собой волочат, чтобы совсем уж не взмыть в небеса. Частенько — трупы врагов, случается, еще и живых. Погваривают, все дело в ступицах колес, которые они делают из какого-то особого металла и которые совсем не создают трения с осями.

Все три глайба отделились от нас и теперь крутились вне досягаемости выстрела из арбалета. Ну-ну! Пусть они и дальше так считают! Я оценил взглядом расстояние: стоит попробовать? А что, вполне реально. Может быть, это отобьет у них охоту снова приблизиться к нам, а то и вообще заставит исчезнуть.

— Лео, — отвлек меня от размышлений Головешка, — что будем делать? Ждать?

Как будто у нас есть выбор... Нет, мы сейчас в атаку пойдем!

— Ждать. Наступит ночь, — я взглянул на солнце, которое находилось уже низко над горизонтом, — попробуем отсюда исчезнуть. А пока... Блез, снаряжай гнумбокс, чего зря время терять? Глядишь, до того времени, когда наступит пора уходить, хотя бы треть фляги накапает. Ну а ты, Тед, готовь свои волшебные стекла, сдастся мне, без них не обойтись.

Для Клер я бы тоже дело нашел, но опасался услышать от нее очередную колкость, и потому оставил девушку в покое.

— Думаешь, сможешь попасть? — задал очередной вопрос Головешка, видя, как я пристраиваю на камне арбалет.

— Очень на это надеюсь. — У меня вообще не было бы сомнений, будь арбалет в нормальном состоянии, а так...

Арбалет выстрелил сам, когда я даже не успел толком направить его в нужную сторону, и болт унесся куда-то в небо.

— Так ты точно никуда не попадешь, — тут же отреагировала Клер, как будто в произошедшем была хоть часть моей вины.

Точно, не попаду. Мне только и оставалось, что согласиться. Попробуем-ка мы по-другому...

— Блез, дай мне свой.

Тот, перед тем как мне его передать, неодобрительно покосился на девушку. Ну да, кому как не ему знать, смогу ли я куда-нибудь попасть или же нет.

У каждого из нашей компании есть свой талант.

Головешка — отличнейший следопыт. Он может взять след там, где даже собака-ищейка усядется на задницу, подождет хвост, примет виноватый вид и начнет жалобно скулить.

Блез — воин. В обращении с мечом ли, секирой, палицей — словом, со всем тем, чем можно с легкостью отсечь или размозжить голову, ему нет равных.

У Клер талант выводить меня из себя, и в этом ее точно никому не превзойти. Помимо того, она отлично рисует, танцует, поет, играет на клавесине и мандолине, стряпает, вяжет, вышивает и знает множество вещей, о существовании которых я даже не подозреваю. Ну и совсем уж мелочи: она может из обычной травы, каких-то корешков, древесной смолы и прочих бросовых вещей соорудить такое снадобье, что тяжелобольной, свикшийся с мыслью, что ему придется покидать этот свет, соскочит вдруг со смертного одра и запляшет тарантеллу.

И все это умещается в отличной фигурке с симпатичным, даже когда она сердится, лицом и таким волшебным голоском, когда каждое сказанное ею слово отдается у меня если не в сердце, то в печени точно.

Еще бы сами эти слова были ласковыми. А не такими, что я слышу от нее постоянно.

Сам я тоже талантом не обделен. Я — хорошо вижу. Даже не так — вижу превосходно. Там, где другому удастся разглядеть лишь смутный силуэт человека, у меня получится увидеть черты его лица, определить возраст, рассмотреть одежду в подробностях, цвет волос, а если немного напрячься, и глаз. Ну и стрелок я неплохой. В этом, без ложной скромности, равных мне отыщется мало, если найдется вообще.

Пользоваться арбалетом Блеза мне приходилось, причем в последний раз не так давно, и потому я точно знал, что шагов на двести — двести пятьдесят никаких поправок вообще брать не надо. Трудности стрельбы из него начинаются шагов с трехсот. Сам Блез никогда поправок не берет, потому что так далеко и не стреляет.

Глайберы крутились шагах в четырехстах пятидесяти, ни на мгновение не останавливая свои сухопутные парусные лодки на колесах, и потому проблемы могли возникнуть даже у меня.

Приходилось мне много пользоваться и обычными арбалетами, и что мне особенно нравилось в нынешних, так это их развесовка. Все-таки основная тяжесть в обычных арбалетах находится на самом конце, где расположен лук: как правило, стальной и, как следствие этого, тяжелый. А если уравнивать его массивным прикладом, оружие получается неподъемным. Нынешние намного легче не стали, но центр тяжести у них находится примерно там, где расположен спусковой механизм, что всегда удобно.

Взяв в руки арбалет Блеза, я взглянул на по-прежнему крутящихся вдалеке глайберов. Ветра почти нет, и о нем можно забыть. Раскаленный воздух пустыни создавал искажения, и казалось, мачты с парусами на глайбах смещены сильно к носу, чего быть никак не

могло: они всегда установлены точно посередине. Пожалуй, поправки в ширину ногтя большого пальца по ходу и столько же плюс пара конских волосков вверх — должно хватить.

Но если все же промахнусь, что, впрочем, вряд ли, болты переводить не буду, твердо решил для себя я.

Оставалось выбрать болт, ведь от него точность выстрела зависит несколько не меньше. Поставив толкатель на стопор, я дважды дернул рычаг, освобождая арбалет от снаряженных в него болтов. Не забыв при этом завистливо вздохнуть: механизм работал идеально.

Блез, догадавшись, в чем дело, предложил мне на выбор целую дюжину болтов. Выбрав один, показавшийся мне самым лучшим, я и положил его в желоб. Все вокруг молчали, по-моему, даже затаив дыхание. А вот это напрасно: хоть пляски с гиканьем и скабресными выкриками устройте, мне это несколько не помешает.

Целью я выбрал самого толстого из глайберов. Понятно, что именно в такого проще всего попасть, но тут больше сыграли роль мои размышления о том, что находился он на глайбе, который уже лишился одного наездника, и потому в случае удачи единственный оставшийся будет занят только тем, что управлять своей колесной лодкой.

Пока к нему кто-нибудь не пересядет. Возможно, для этого им придется свои глайбы на миг остановить, и вот тут появится возможность продемонстрировать мое искусство еще разок.

Бзынь! Когда толкатель, отправляющий болт в полет, доходит до ограничителя, он не ударяется о него со всей силы, нет. Во-первых, он к тому времени значительно замедляется, а во-вторых, там установлен пружинный демпфер. И потому звук от выстрела похож на звон колокольчика, по которому ударили и тут же приглушили ладонью.

В том, что не промазал, я был абсолютно уверен. И потому, вместо того чтобы, как другие, смотреть на глайберов, быстренько перезарядил арбалет. И не ошибся.

— Славный выстрел! — услышал я от Головешки, а Блез от избытка чувств ткнул меня кулаком в плечо.

Впечатлилась даже Клер, потому что в следующий миг я от нее услышал:

— Да ты волшебник, Лео! Если доживем до ночи, жди меня в гости: так уж и быть, согрею твою постель. — И при этом она разве что не мурлыкала. Я только усмехнулся в ответ: как же, дождешься от тебя! Если тебе верить, я твоими ласками уже раз десять должен быть ошастливлен.

Клер попала к нам в команду не так давно, в самом начале лета. Мы как раз вернулись из Вонючих болот, где потеряли Ривса. Хороший был человек и механик отличный. Ему, чтобы починить мой арбалет, и дня хватило бы.

Мы сидели в корчме захудалого городишки Торетто, запивая вином неудачную экспедицию и смерть Ривса, когда Клер к нам и подошла.

Как сказал один умный человек — девушку должны украшать скромность и полупрозрачное платье. Все так и было: и сама она скромно тупила глазки, и платье на ней почти просвечивалось на солнце. В Торетто в летнюю пору дамы сплошь в подобных ходят — климат примерно такой же, как и в этой проклятой пустыне. И если бы не правила приличия, полагаю, они бы и во-все без одежды обходились. Хотя, если честно, я был бы совсем не против.

— Вы Счастличик Леонард? — спросила она таким голоском, что, будь я даже самым закоренелым женоненавистником, обязательно бы растаял.

— Ну я, — ответил, не видя смысла скрывать.

— Возьмете меня к себе?

— К себе — это куда?

На девицу легкого поведения незнакомка не походила нисколько, но, окажись она именно ею, я обязательно бы нарушил свои принципы никогда не иметь с ними дела, настолько впечатляюще она выглядела.

— В команду. Я слышала, у вас человека не хватает.

Поначалу я хотел ей отказать. Затем, немного поразмыслив, свое решение изменил. Следующий заказ был уже у меня в кармане. К тому же заказ легкий, практически прогулка. Туда неделя пути, причем по воде, в лодке, и даже грести не придется, там несколько дней, и назад тем же образом.

А что, размышлял я, пусть и она с нами прогуляется. А там, глядишь, все и случится. Еще и на деньгах сэкономлю. Чтобы соблазнить какую-нибудь красотку, иной раз столько денег уходит, что поневоле начинаешь задаваться вопросом: неужели их именно для этой цели и придумали?

В общем, я ее взял. Тем более мне показалось, что Клер поглядывала на меня с явным восторгом. Кто же мог знать, что эта притворщица делала так только для того, чтобы поглубже проникнуть в мое сердце, а затем пустить в нем многочисленные корни и побеги?

Головешка Тед поворчал немного, что, мол, не таким он представлял нашего нового компаньона, и успокоился. Его понять можно: если Ривс походил на поднявшегося на задние лапы медведя, настолько он был здоров, то Клер — на какую-нибудь там фею цветов. Блез принял Клер спокойно, он лишь кивнул, соглашаясь.

Взял и не пожалел. Вначале она вылечила Головешку от фурункулов, вскочивших у того на таком месте, отчего тот не мог сидеть, а только стоять или лежать. Затем Блеза — от раны в плече, которую тот получил при

нападении на нас речных пиратов. Да и при самом нападении Клер вела себя, можно сказать, героически. Парочка пиратов точно отправилась на тот свет именно от ее арбалета.

Только готовить она отказывалась.

— Я к тебе кухаркой не нанималась, — сообщила Клер на мое заявление, что стряпать всегда было именно женским делом. И ведь умеет же! Однажды, под настроение, Клер накормила нас таким обедом, что мы до сих пор о нем вспоминаем.

Всем Клер была бы хороша, если бы только не кормила она меня пустыми обещаниями. Я ведь за все это время лишь поцелуя от нее и дождался, да и то в щеку.

Когда я перезарядил арбалет, глайберы, бросив толстяка валяться, успели отдалиться настолько, что ни попасть, ни даже дострелить до них наверняка уже не получилось бы. И тогда я протянул арбалет Блезу:

— Попробуй теперь сам. Попадешь, и ночка у Клер точно задастся.

Тот арбалет взял, неодобрительно на меня покосился, но ничего не сказал. Сама девушка фыркнула, но промолчала тоже. Я же все не мог успокоиться:

— Клер, ты явно перегрелась. На вот, попей водички. Там еще глотка три, а то и все четыре, — протянул ей фляжку.

Есть такое растение обвагора, и фляжки из его плодов получают прочные настолько, что, для того чтобы их разбить, нужно очень постараться. Но главное достоинство фляжек не в этом: вода в них не портится. Вообще не портится, можно сказать. Полежит такая на солнце неделю, две, откроешь ее, глотнешь, а вода как будто только что из родника набрана. То есть ни капли не согрелась.

Но тут уже дело не в самой фляге — в пробке, из которой торчит металлическая спираль, достигая почти самого дна. Как раз она и не дает воде ни испортиться, ни даже нагреться. Таких чудесных вещей у нас полно — постоянно имея дело с подобными диковинами, мы про себя не забываем в первую очередь.

Клер снова фыркнула:

— Как-нибудь перебьюсь.

— Ну, как знаешь. Была бы честь предложена.

И я, встряхнув фляжку, чтобы услышать приятный плеск жидкости, поднес горлышко ко рту. Пить не стал, лишь сделал вид. Точно ведь знаю, что воды у Клер не осталось ни капли. Пройдет какое-то время, и она наверняка уже не станет отказываться. А я что, я — мужчина, я потерплю.

У каждого из нас четверых есть своя мечта. Блез, например, мечтает заработать кучу денег, чтобы собрать сильный отряд, вернуться с ним в родные края и поквитаться с теми, кто вырезал весь его род под корень.

Головешка желает стать купцом. Он спит и видит себя во главе огромного торгового каравана, который везет его и только его товары. Вот караван встает на ночевку, и ему быстренько ставят огромный шатер. А когда он входит внутрь, там уже ярко горит очаг с булькающим котлом, и вокруг котла хлопочут красивые наложницы. Все это я не сам придумал — однажды Головешка поделился своими грезами во хмелю.

О чем мечтает Клер, у меня представления самые смутные. Хотя о чем может мечтать любая девушка, пусть даже она и не отдает себе в том отчета? Удачно выйти замуж, желательно за любимого человека.

И пить ему кровь полными чашами — не удержался я от мысленного комментария.

Мои собственные мечты — скромные. Я хочу построить просторный двухэтажный каменный дом на берегу моря. Вырастить вокруг него фруктовый сад. Привести в него любимую женщину. Родить с ней сыновей и обязательно дочек. И всю оставшуюся жизнь заниматься тем, что рассказывать сначала детям, а затем и внукам о том, как мне десятки раз лишь чудом удалось избежать смерти.

Вот такие мы, охотники за сокровищами в развалинах древних городов Прежних.

ГЛАВА 2

— Тед, давай-ка на другую сторону: не хватало еще, чтобы они к нам с тыла подоברались.

Глайберы крайне неохотно покидают свои повозки, но подстраховаться стоило.

Мысленно я его иначе как Головешкой не называю, но вслух он у меня всегда Тед. Или даже Теодор, когда приходится ругать, а такое случается.

Тот, подхватив свое чудесное стеклышко, до этого жарившееся на солнышке, чтобы успеть вобрать в себя как можно больше лучей, скрылся из виду. И сразу же из-за камней донесся его голос:

— Э-э-э! Да тут мертвец, оказывается!

Мы все трое потянули носом воздух: в горячке боя можно не уловить вони от разлагающегося трупа. Но провести несколько часов до заката с таким неприятным соседом не сулит ничего хорошего: пропитаешься так, что запах долго будет преследовать тебя повсюду. Переглянулись, пожали плечами: ничего не чувствуется, когда Головешка снова сказал:

— Он давно уже тут лежит, в мумию превратиться успел.

— Фляги у него нет? — без особой надежды в голосе поинтересовался Блез.

Фляги у Блеза не было, у единственного. Вернее, сама-то она как раз была, но в пробке отсутствовала та самая спираль, которая и охлаждала воду, и не давала ей портиться. В гнумбоксе таких спиралей много, именно они и позволяют устройству извлечь влагу из воздуха. Но чтобы достать хотя бы одну, придется полностью его раскурочить, без всякой надежды собрать вновь. Что конечно же мы себе позволить не можем. Гнумбокс и был главной причиной, по которой мы выбрали именно этот путь, здраво рассудив, что наши преследователи вряд ли настолько сумасшедшие, чтобы последовать за нами.

— У него вообще ничего нет, — ответил Головешка. — Даже одежды. А вообще он молодой, все зубы на месте.

Зная его, я ни на миг не стал сомневаться в том, что Тед залезет мертвецу в рот. Частенько случается, что перед смертью люди прячут туда что-нибудь ценное.

— Жаль, что нет, — сказал Блез. — А еще лучше, если бы фляга полной оказалась. Пить очень хочется, — пожаловался он. — Замучился уже язык кусать, тот распух весь, бедный.

Ну да, есть такой способ, сам я ему Блеза и научил: если ритмично покусывать кончик языка, напиток не напьешься, но на некоторое время о чувстве жажды забудешь. Представляю, как она его мучает, если Блез, обычно невозмутимый как каменный истукан, вдруг начал жаловаться!

— Держи, — протянул я ему свою флягу. — Только Клер оставь.

— Потерплю, — мотнул головой он. — Недолго осталось.

Я посмотрел на девушку, но она была поглощена тем, что наблюдала за кружащими в отдалении глайбами. А может, просто делала вид. Вот же характер! Не завижусь ее будущему мужу.

— Во, пошла, родимая!

Блез подставил палец под носик гнумбокса, откуда вот-вот должна была сорваться первая капля драгоценной влаги. Вообще-то к этому времени ей положено уже течь тонкой струйкой. Но откуда в раскаленном воздухе пустыни влага?.. И я невольно посмотрел на горы, которые занимали весь горизонт. Там вода непременно будет: в виде ручейка, озера, а то и целого водопада. И уж по крайней мере из гнумбокса она начнет течь не переставая.

— Что там, Тед? Никого не видно? — больше на всякий случай поинтересовался я: будь там кто-то, он обязательно бы известил.

Тот почему-то промолчал. Не раздумывая, я бросился к нему, по дороге кивком указав Блезу на девушку: проследи. Мало ли что той придет в голову. Например, показаться из-за камней в полный рост. Никогда нельзя считать себя кем-то особенным: вполне возможно, среди глайберов найдется такой же стрелок, как я, а то и лучше. Ну а с самим Головешкой могло произойти все что угодно. Вплоть до того, что он получил солнечный удар, что может случиться с каждым.

Но нет, тот оказался в сознании, и лишь вид у него был совершенно потерянным.

— Что случилось? — тревожно спросил я.

Первое, что пришло в голову, — он раздавил свое драгоценное стеклышко, и тогда выбраться нам отсюда будет несравненно сложнее. Так нет же: вот оно, на самом солнцепеке. Затем взглянул на мумию человека, скрючившегося в позе эмбриона. Может быть, Головешка признал в нем какого-нибудь своего знакомого

или родственника? Сомнительно. Череп размозжен сильным ударом, а на теле не видно ни шрамов, ни татуировок. Тут и захочешь, не признаешь.

— Тед, что с тобой?

— Да так, Лео... что-то вдруг тоскливо стало, — нехотя отозвался он.

На всякий случай я принюхался: вдруг здесь какие-нибудь ядовитые газы и он успел ими надышаться? Тем более странно, что мумия никем не тронута. Это только кажется, что пустыня безжизненна, на самом деле всяких трупоедов хватает и здесь. Как будто бы ничем не пахнет. И тогда я разозлился: тоскливо ему! Головешка виноват в не меньшей мере, чем остальные, что нам пришлось бежать, бросив все. Живы до сих пор, и то уже хорошо. Зло на него посмотрев, я вернулся к остальным.

— Что с ним? — поинтересовался Блез, наблюдая за тем, как из гнумбокса во флягу капля за каплей падает вода.

— Не знаю, — честно признался я. — Говорит, тоскливо стало. Клер, сходи, поговори с ним.

— И чем я смогу помочь? Ладно бы заболел...

«Грудь ему покажи, — сгоряча хотел сказать я. — Может, это в чувство его приведет. Меня бы привело точно».

Но сдержался. За ней не заржавеет, причем так, что, опасаясь, и ответить-то будет нечем. И потом, ее недавнее обещание прийти ко мне ночью, в которое совсем не верится... ну а вдруг?! В общем, придержать язык стоило.

— Что-то их долго нет, — некоторое время спустя произнес Блез, по-прежнему не сводивший взгляда с капающей воды.

— Сколько там уже?

— С треть наберется.

— Пей до дна, — кивнул я. И чтобы обосновать свое решение, пояснил: — Ты нужен нам свежим — этот чертов гнумбокс только тебе под силу долго нести. Ночью, когда выйдем, до следующей груды камней, где можно найти укрытие, не меньше часа ходьбы, и желательно это расстояние преодолеть как можно быстрее.

Блез отказываться не стал. Когда я пошел посмотреть на Головешку с Клер, тот уже всюду пил воду, и кядык на его горле дергался часто-часто.

Всего-то несколько шагов, и я застал следующую картину: оба они плакали. Вернее, плакала одна только Клер, но и у Головешки вид был не намного лучше.

— Да что с вами?!

Обезвоживание? Как будто бы не похоже. По крайней мере цвет лица у обоих не синюшный, и руки не дрожат.

— Домой хочу-у-у!

Слава богам, это произнес не Головешка, иначе бы я точно за голову схватился.

— Пойдемте отсюда.

С этой стороны местность отлично просматривается до самого горизонта, и укрыться там невозможно — гладкая как стол пустыня. Так что достаточно изредка бросать туда взгляд, чтобы никто к нам не смог подкрасться. Ну а сами глайбы видны издали, недаром же имеют такие высокие мачты.

Одним лишь подземным духам известно, что творится с их настроением. Никогда прежде с Головешкой ничего подобного не случилось, и Клер всегда была молдцом.

Может быть, тут действительно что-то не так?.. И я с подозрением взглянул на мертвеца. А сомнений не оставалось: когда Головешка послушно поднялся на ноги и пошел к Блезу, он даже про свою стекляшку на камне забыл. Немыслимое дело — он пылинки с нее

сдувает, у него даже специальный металлический футляр имеется, выложенный изнутри толстым слоем бархата. Мистика, да и только. Когда оба они скрылись за камнем, я постоял еще немного, прислушиваясь к ощущениям.

Хотелось пить, есть, спать. Больше всего конечно же, чтобы Клер выполнила свое обещание. Но чтобы вдруг заплакать или даже просто захандрить? Нет, такое желание точно не испытываю. На прощанье я неприязненно взглянул на мертвеца: возможно, он и виноват. И если да, за слезы Клер я готов был убить его еще раз.

— Ну так что, все готовы?

Наконец-то наступила ночь, под покровом которой мы и собирались скрыться от глайберов. Те до самой темноты продолжали кружить в отдалении, не рискуя к нам приблизиться, чего я, собственно, и добивался. Чего они хотели сами? Что тут неясного? Откуда им знать, что у нас есть гнумбокс? Рано или поздно вода бы у нас закончилась, подождали бы они еще какое-то время, когда мы и двигаться толком не могли бы, и взяли нас тепленькими.

Странно, что глайберы вообще здесь объявились — их родина далеко на востоке, в центре пустыни, где полно оазисов. Здесь же, кроме пустошей, зыбучих песков и палящего солнца, ничего нет. В недалеких горах жизнь кипит, но в них на глайбах не разъездишься.

— Готовы, — за всех ответил Блез, выглядевший куда бодрее, чем несколько часов назад, в разгар дня. Впрочем, как и все остальные.

Ну да: каждому досталось по полфляги воды, а еще мы подкрепились галетами и финиками.

Кроме того, немного успели отдохнуть от удушающей жары, когда солнце наконец-то скрылось за гора-

ми. Сразу и ветерок с гор подул, принеся долгожданную прохладу, и гнумбокс заработал во всю оставшуюся в нем мощь.

— Тогда надевай свое сокровище, Тед. Иди не торопись и почаще смотри под ноги. И держим друг друга за руки, держим.

Ночка выдалась на славу — в двух шагах ничего не разглядишь. Самая подходящая для того, чтобы безопасно покинуть наше убежище.

Я ухватил Головешку за руку, а свободную протянул назад, надеясь, что за нее возьмется мягкая ладошка Клер. Но нет, ее сжала шершавая, как точильный камень, длань Блеза. Тот единственный из нас помимо арбалета и кинжала повсюду таскает с собой палаш. Благо хоть укороченный. И как только появится свободное время, посвящает его владению клинком. Оттого и ладонь у него мозолистая.

— Все нормально, Тед? Работает?

— Ага, двинулись.

И мы пошли. Слегка изогнутый кусок стекла овальной формы, который был сейчас прижат к глазам Головешки, обладает удивительным свойством. Достаточно ему некоторое время полежать на солнце — и стоит приблизить его к глазам в ночную пору, как мгла расступается.

Недалеко, правда, видно — шагов на сорок, а дальше как будто встает черная стена.

Но не все так просто. Если, например, помахать перед лицом Головешки факелом или зажженным фонарем, тот ослепнет, настолько ярким для него будет казаться этот свет. Возможно, зрение через какое-то время вернется, но может случиться и так, что он потеряет его навсегда.

Чтобы избежать этого, пользуясь стекляшкой, Тед не смотрит сквозь нее непрерывно. Откроет глаза,

взглянет вперед и снова тщательно их зажмуривает. Иначе искры, случайно высеченной гвоздем из подошвы сапога о камень, ему станет достаточно, чтобы получить такую вспышку в глазах, что долго еще в них будут мелькать огненные мухи.

Могут ли быть такие стекла у наших врагов? А почему нет? Штука редкая, но не настолько.

И потому на всякий случай наготове я держал трубку, представляющую собой нечто вроде фейерверка. Дернешь за веревочку, свисающую с одного ее конца, и она даст достаточно света, чтобы тем сорвать стекло с лица, прижать к нему ладони и завывать от режущей боли в глазах.

Представляю, каково сейчас Головешке! Глайберы тоже ведь могут предполагать, что мы постараемся покинуть свое убежище ночью и что у нас есть чудесное стекло.

Мы шли быстро, стараясь не шуметь, прислушиваясь к звукам ночи и пытаясь дышать через раз. Все время где-то в темноте шуршало, пищало, потрескивало, но больше всего мы опасались услышать скрип песка под колесами приближающихся к нам глайбов, вынырнувших откуда-нибудь из низины. Вообще-то я и по ночам вижу лучше большинства людей, но нас окружала такая тьма, что следовавших за мной Блеза и Клер оставалось только пожалеть — для них она была совсем уж непроглядной.

Очередная груда камней, к которой мы и держали путь, открылась внезапно, и в стороне от того места, где я ожидал ее увидеть. По моему замыслу, мы должны были упереться прямо в нее, но Тед начал обходить ее далеко стороной.

— Что там? — не выдержав, шепотом поинтересовался я.

— Не пойму: что-то мелкое, но много, — так же тихо ответил Головешка. — Обходим?

— Как можно дальше.

Если там гнездо песчаных термитов, остается только молиться небесам, чтобы термиты нас не заметили. Они — неумимые охотники, а обнаружив столько плоти сразу, и вовсе обезумеют.

А жаль: на эти камни у меня была особая надежда. Ведь в них можно было перевести дух в относительной безопасности, попить водички и обменяться наконец парой слов: намолчались уже. И снова томительный путь, когда мы ждали скрип колес с одной стороны, и шуршание многочисленных лапок с другой. А темные громады гор приближались так медленно!

Когда из-за туч внезапно показалась яркая луна, Головешка одним движением сорвал повязку со стеклом с головы. Он застыл с крепко зажмуренными глазами, опасаясь их открыть.

— Как ты? — бросился я к нему. — С тобой все нормально?

— Не знаю, — помотал головой он, все еще боясь их открыть.

Отлично понимаю его состояние: однажды со мной такое уже происходило. Мы окружили Головешку, терпеливо ожидая. Никто Теда не торопил, представляя себя на его месте: еще несколькими мгновениями раньше ты был здоровым человеком и вдруг — вечная тьма. Наконец Головешка все же решился. Сначала он открыл один глаз, затем другой... Повертел головой по сторонам и облегченно выдохнул:

— Пронесло. Благо что глаза у меня в тот момент закрытыми были.

— А как же ты понял, что луна показалась? — поинтересовался Блез.

Я промолчал. Как тут не поймешь, когда даже сквозь закрытые веки по глазам бьет такая вспышка, будто тебя вывели из темной комнаты, где ты долго просидел с завязанными глазами, и, повернув твою голову к полуденному солнцу, внезапно сорвали повязку?

— Все, больше их не надену, — заявил Тед, когда окончательно убедился, что с глазами все в порядке. — Даже если луна снова скроется и снова станет темно, как у... — Тут он взглянул на Клер и замолчал, не став договаривать, как именно.

— И не надо надевать, — утешил я его. — Даже если луна снова скроется, скоро рассвет. Только ты готовься к тому, что, когда рассветет, возможно, глаза будут болеть так, что тебе самому захочется их вырвать.

— Как у тебя тогда?

— Как тогда у меня, — кивнул я, не став договаривать, что тогда у меня все было куда хуже.

И тут же повернулся к Клер:

— Не устала? — Хотя чего тут спрашивать, когда и так все видно? — Давай мне свой мешок.

Девушка выглядела такой юной и беззащитной, что руки сами потянулись к ней, чтобы обнять и утешить. Преодолевая соблазн, мне даже пришлось сделать шаг назад. На какой-то миг показалось, что она сама потянулась ко мне, но в следующий миг я услышал от нее:

— Нормально все со мной. А тебе бы только причину найти, чтобы меня облапать.

Я чуть было не сплюнул от злости: ну нельзя же так, в самом-то деле, а? Не облапать, а на миг прижать к себе, чтобы успокоить и дать понять, что рядом есть мужчина, который грудью встанет против любой угрожающей ей опасности. Ну и заодно почувствовать упругость ее собственной груди. Но лишь для того, чтобы сделать приятно Клер. А она сразу — облапать!

— Ладно, пойдем дальше, — только и сказал я. — Теперь я сам впереди пойду.

Луна к тому времени успела скрыться за облаками, но света было уже достаточно для того, чтобы увидеть какой-нибудь зыбун без всяких там стекляшек. Вот я-то их точно никогда в жизни уже не надену!

Некоторое время мы шли молча, и увидь нас кто-нибудь со стороны, точно бы принял за группу слепцов во главе с поводырем, то есть со мной. Сейчас мы не держались за руки, а положили их друг другу на плечи. Самому мне класть их было некому, и потому я держал наготове арбалет, надеясь, что в нужный момент он меня не подведет. Затем посветлело окончательно, и мы шли уже толпой, кто как хотел.

— Слышите?! — сказала вдруг Клер. — Да не туда смотрите... вернее, не там слушаете. — Все мы после ее возгласа как по команде повернулись в ту сторону, где должны быть глайберы. — Прямо по пути, как будто вода шумит.

— Что-то похожее есть, — первым откликнулся Блез. — Даже не верится.

Согласен: после стольких дней, проведенных в безводной пустыне, перестает вериться в то, что на свете существуют места, где воды с избытком, — озера, реки, ручьи, колодцы... И начинает казаться, что весь мир так и добывает воду — с помощью гнумбокса.

Звук действительно был такой, будто где-то впереди беснуется водный поток. И если у нас всех не слуховые галлюцинации — там много, очень много воды. Которую можно пить сколько захочешь, обливать друг друга, часами в ней купаться, смывая с себя застарелый пот, и все равно она не закончится. Причем ни сегодня, ни завтра, ни через месяц, ни через год — никогда.

— Если есть вода, значит, в ней должна быть рыба, — сделал логичное умозаключение Головешка.

— Если есть рыба, я ее поймаю, — заверил всех я.

— Чем ты будешь ее ловить, руками? — Кто бы мог задать такой вопрос, если не Клер?

— Могу и руками наловить, — пожал я плечами. — Но вообще-то у меня есть лёса с крючками.

— Лео, собираясь в пустыню, ты захватил с собой снасти для рыбалки! Какой ты предусмотрительный! — делано восхитилась девушка. Она даже ресницами захолопала. А они у нее длинные, пушистые, и, если бы Клер была искренней, я бы точно свалился в обморок от счастья.

Нет, а что в этом такого? Крючки весят всего ничего, а лёса может и в пустыне пригодиться. Например, для силков. Да и потом, не век же нам по пустыне пришлось бы странствовать?

— Точно мне придется постель тебе греть! Или, может, лучше рыбку вкусненько вам приготовить? Я умею так, что пальчики оближете! У меня и масла немного есть, и даже муки чуть-чуть. Как раз хватит, чтобы рыбку пожарить. Получится такая с румяной корочкой, а внутри вся будет сочная, нежная.

Камешек, который я пнул от злости, явно смог долететь до невидимой еще воды. Вот ведь как дело-то повернула! Сам-то я ради того, чтобы Клер пришла ко мне ночью, смог бы дать обет не есть ничего рыбного год или даже больше. Но к Блезу с Головешкой никто не придет, а учитывая, что последние несколько дней мы питались исключительно финиками и галетами, понятно, что именно выберут они.

Теперь мы шли и разговаривали в полный голос. Вокруг нас хватало камней, крупных и мелких, а некоторые валуны были такими, что, даже встань мы друг другу на плечи, все равно бы не дотянулись до их вершины. И глайберам здесь делать было нечего.

— Головешка, Блез, что молчите-то? — настаивала Клер. — Чего вам больше хочется?

— Рыбу еще поймать надо, — изрек Головешка. — Там и разберемся.

Я посмотрел на него с благодарностью. Хороший он человек и своего друга на какую-то там жареную рыбу не променяет.

— Кое-кого в детстве мало пороли, — тихо буркнул Блез. Так, чтобы его услышал только я.

Пришлось с наименьшей благодарностью взглянуть уже на него.

Меня и самого иной раз подмывает выпороть Клер. Ну в самом-то деле, нельзя же так! И дело даже не в том, что она меня изводит, — как-нибудь переживу. Но не при посторонних же! В конце концов, у меня есть определенный авторитет, и о нем-то она хоть немного подумала? Нравится тебе — делай это, когда мы наедине. Если разобраться, я и сам не против. По крайней мере девушка с характером, а не какая-нибудь там безропотная, как рабыня: что вам угодно, мой господин?

Шум воды все нарастал, и теперь мы точно были уверены, что не ошиблись. Дорога пошла под уклон, и шагать становилось все легче. И все же я забрал мешок у Клер: видно же по ней, что устала, даже лицом начала сереть. На этот раз она возражать не стала, но и промолчать не смогла.

— Только не вздумай муку с маслом выбрасывать — парни еще не решили, — благо сказала негромко, и те услышать ее не могли.

Наконец показалась и сама река. Мы остановились, глядя на ее бушующий поток.

— Да, перебраться через нее будет проблемой... — Головешка даже затылок почесал.

— Тут бы до самой реки добраться, — сказал Блез.

И действительно, глубина ущелья, по дну которого протекала река, наводила уныние.